

## МИГРАЦИЯ КАК СПОСОБ ВЫЖИВАНИЯ ТАВРИЧЕСКИХ БОЛГАР ВО ВРЕМЯ ГОЛОДА 1946-47 ГГ.

Одним из ответвлений бессарабских болгар являются так называемые «таврические» (или «приазовские») болгары. Таврические болгары в полной мере разделили общую судьбу многонационального населения юга Украины, пережив войны и революции, коллективизацию и индустриализацию, голодоморы и репрессии. Одной из таких трагических страниц является голод 1946–1947 годов. Эти события до конца 80-х годов XX века замалчивались в официальной советской исторической науке. В дальнейшем ей было освящено много исследований, однако до сих пор остаётся немало «белых пятен». Отмечаемый в нынешнем году грустный 70-летний юбилей голода 1946–1947 годов является поводом для актуализации темы.

Ареал компактного проживания таврических болгар расположен в Украине на юге Запорожской области, вблизи Азовского моря (так называемое Запорожское Приазовье). Другое название местности – Таврия – связана с тем, что в прошлом она входила в состав Таврической губернии. Основная часть болгарских сёл в Приазовье появилась в 1861-63 годах в результате переселения болгар из Бессарабии (34 села). Ещё два села основали переселенцы из Видинского края Болгарии.

Источником для написания статьи является в основном материал, собранный сотрудниками Центра болгаристики Мелитопольского государственного педагогического университета имени Богдана Хмельницкого в 2009–2016 годах результате интервьюирования болгар жителей г. Мелитополя – уроженцев сел Степановка Вторая, Богдановка, Ботиево, Строгоновка, Гирсовка Приазовского района Запорожской области. В частности, в статье использованы интервью с Большаковой (Маслинка) Марией Константиновной, 1939 г.р., Козарь Людмилой Владимировной, 1963 г.р. (воспроизводит воспоминания своей матери и тети), Косяченко (Попазовой) Марией Дмитриевной, 1942 г.р., Пачевой (Греджевой) Валентиной Федоровной, 1940 г.р., Пачевым Гавриилом Ивановичем, 1940 г.р., Пачевым Иваном Ивановичем, 1944 г.р.

В статье также использованы материалы экспедиции Запорожского государственного университета под руководством профессора В. И. Мильчева в селе Преслав Приморского района, участниками которой были авторы статьи. Эти материалы опубликованы в 6-томе научной серии «Устная история Степной Украины» (использованы воспоминания следующих жителей села Преслав: Гогунская Валентина Федоровна, 1940 г.р., Григорова Александра Андреевна, 1922 г.р., Динкова Анна Константиновна, 1924 г.р., Дорохин Анатолий Андреевич, 1925 г.р., Лютиков Виктор Алексеевич, 1928 г.р., Соломонова Валентина Гавриловна, 1930 г.р., Стояновська Раиса Ефремовна, 1912 г.р.)

Голод 1946-1947 годов был вызван комплексом причин природно-климатического, экономического и политического характера. Аномальная

засуха 1946 г., приведшая к неурожаю, в сочетании с послевоенной экономической разрухой резко обострила продовольственное положение во многих регионах УССР, в том числе и в Запорожской области. Но голода можно было избежать, расконсервировав продовольственные запасы, которых было достаточно. Однако, советское руководство взяло курс на увеличение хлебозаготовок для пополнения стратегических продовольственных запасов и помощи другим странам. Например, в 1946 г. экспорт зерна из СССР составил более 1 млн тонн – в основном, для поддержки коммунистов в странах Восточной Европы и во Франции (Попов 1998: 29). Как видно из подсчетов, произведенных В. П. Поповым, доля зерна, которое колхозы отдавали государству, в 1946-47 г. достигла рекордной отметки в 51-52 %, (обычно государство отнимало лишь 30–44 %). Кроме того, треть урожая поступала в колхозный фонд. А доля зерна, выдаваемого колхозникам, в 1946-1947 гг. снизилась до 14-16 % (в другие годы этот показатель составлял 20–36 %). (Попов 1998: 26).

Осенью 1946 г. в Украине стала ощущаться серьезная нехватка продовольствия. К декабрю участились случаи голодной смерти. Пик голода пришелся на апрель-июль 1947 г. После уборки урожая 1947 г. голод стал постепенно отступать. Массовой гибели людей удалось избежать. В отличие от 1932–1933 годов, в 1946 году отсутствовал запрет на выезд в другие регионы СССР, менее подверженные голоду. Кроме того, власти организовывали некоторую помощь голодающим, хотя она и была недостаточной.

Эти трагические события оставили неизгладимый след в памяти очевидцев. Наши респонденты, в основном, в то время были ещё детьми или подростками. Это делает их воспоминания особенно интересными, поскольку детское восприятие отличается от взрослого. Поскольку в одной маленькой статье невозможно комплексно охватить устную историю голода 1946–1947 годов среди таврических болгар, мы остановимся способах выживания болгар Таврии в условиях голода 1946–1947 годов.

Первое, на чём хотелось бы остановиться, это свидетельства респондентов об изменении рациона питания в условиях голода: он стал более скудным, но изобретательным. При нехватке нормальных продуктов это позволяло добавить источник питательных веществ или, хотя бы, создавать иллюзию относительной сытости.

В интервью есть много упоминаний об употреблении некоторых ингредиентов, которые в нормальный период не использовались в кулинарии таврических болгар. Например, использовали несъедобную в обычных условиях траву (чаще всего – лободу) для приготовления оладьев и «затирухи». Таким образом удавалось экономить дефицитную муку. Упоминается употребление в пищу некоторых видов растений в сыром виде, например, «калачиков», цветов акации и др. Некоторые семьи употребляли в пищу мясо диких грызунов (сусликов и др.).

Оладьи из лободы, «затируху», калачики, акацию упоминает Мария Большакова, родом из с. Богдановка: «... это со слов мамы, что нечего было

кушать вообще. Делала она, кое-что так где-то что-то достанет, немножечко муки, то ели мы оладьи из лободы, такое было. Потом весной акация цветет, сейчас-то никто не кушает этого, а мы вот так вот снимали эти все соцветья, и кушали. Потом травка такая была, я её, между прочим, сейчас вообще не вижу, называлась "калачики", там такие плоды были, величиной, как сейчас копеечка. Вот, мы собирали эти калачики, кушали. ... Но 47-й (год), вот эти оладьи из лободы я помню, которые мы ели, это я помню. Она немножко, мама, мукички добавляла. Потом варила она ещё, вообще вы... Я сама уже не... Даже и не сделаю это. Называется «затирка». Водичка, и она немножко муки, как-то она эту муку крутила, что она на такие, как-бы, маленькие такие кусочки, и в эту водичку, и это была еще наша еда тоже» (Большакова)

Оладьи из травы упоминает Александра Григорова из с. Преслав: «Траву собирали, листья... (Измельчали...). И потом пекли вроде как оладки. Лепешки кушали. (Она так, не горькая), но и не сладкая.» (Усна історія 2009: 89)

Жительница с. Преслав Анна Динкова упоминает случаи употребления сусликов: «Ну, 47-й... 47-й год ... Акация цветёт, я пойду, насобираю целую миску, сполоснула и жуём. Акация цветёт и мы, соберу, обмоем и кушаем... Конину, сусликов – мы этого не ели. Тут у нас была семья, они сусликов (кушали). Они говорят, шо вы думаете, они лучше, чем курица. Курица роется в навозе, а это вот чистая.» (Усна історія 2009: 137)

«Калачики» и «Затирка» («затируха») присутствуют и в воспоминаниях уроженки с. Ботиево Анны Черневой, которые воспроизводит её племянница Людмила Козарь (1963 г.р.): «Они выживали благодаря корове, потому что, все-таки, когда есть молоко, ты там натрешь какой-нибудь травки... Они ж там собирали калачики... Если ты знаешь эти калачики, трава такая есть. Потом лободу терли. Ну это растирали затируху. Она называлась затируха. Как... Зерно бралось, например, растиралось, и вот это водой или молоком заливалось. Типа каши или каша, вот... Вот так они ее называли. Запаривали. Вот. Тяжело конечно было очень.» (Козарь)

Жительница села Преслав Валентина Гогунская, 1940 года рождения вспоминала: «А в основном, в основном был страшный голод, не помню сколько мне было лет, вот смутно только помню, смутно только помню, что мы сидим на печи и ждем, когда бабушка сварит сахарный буряк. Вода сладкая вместо чая и кусочки буряка. А потом уже у нас появились кукурузная мука, мамалыга, болгары ж тоже ж это восточными, эти они связаны то ж с этой мамалыгой, с этими блюдами вот. И просто кукурузу вытащит бабушка, кукурузу из казаном, зерна. И разложит, шоб она высохнет и мы просто едим. А с мамалыгой мы делали домашнюю ряжанку и мы ее ели, но у нас не было ни зерна, ничего». (Усна історія 2009: 390)

Жительница с. Степановка Вторая Мария Косяченко (Попазова) рассказывает: «В 1946 г. мне было 4 года. Что я помню? Помню период, который был перед уборкой урожая. Мой старший брат Василий уже работал... Ну, работал... Помогал в уборке урожая. И он мне каждый вечер

*приносил кусочки хлеба, сухого-пресухого... Я этот кусочек хлеба обсмоктывала до конца. Я не помню голода, но вот этот случай я помню на всю жизнь. Это было не одиножды. И помню еще такой момент, когда уже собрали, вот, видно урожай уже собрали, и всем раздали, на каждый двор раздали зерно. А может быть, даже муку. Потому что во всех дворах пекли хлеб. И все дети ото на улице – во двор, на улице – во двор. «Мам, ну когда хлеб уже спечется? Ну когда уже спечется?» Ну и наконец-то вытащили этот хлеб, и мы этот хлеб, вы знаете... Ох, ну как теперь, наверное, самым таким воздушным пирожным, так мы с трепетом этот хлеб... Он горячий, мы на него дули, он должен был еще остыть в наших руках... но ожидание этого хлеба – было что-то сверхъестественное, сверхъестественное.» (Косяченко)*

В условиях тотального дефицита муки, крупы, мяса важным продуктом, позволявшим выжить, было молоко. Правда, оно было доступно не всем, а лишь тем семьям, которым удалось сохранить корову в условиях послевоенной разрухи. Для них корова стала настоящей спасительницей. Людмила Козарь прямо говорит о семье своей мамы и тети: *«Они выживали благодаря корове...»* (Козарь).

Важным спасительным элементом в голодном рационе болгар Таврии была рыба, вылов которой в голодный год резко возрос. В более выгодном положении были сёла, расположенные непосредственно на берегу Азовского моря (Ботицево, Строгоновка, Райновка, Преслав, Луначарское).

В интервью жителей с. Преслав сохранилось много воспоминаний по этому поводу. Раиса Стояновская: *«Спасибо нас море спасало, тут рыба ловилась! А так бы подошли с голоду! Трудности после войны были! Трудности!»* (Усна історія 2009: 43).

Александра Григорова: *«Спасало нас море, рыба, вот рыбой питались. Меняла. Молоко отнесешь рыбакам. И (нерозбірливо) ходила, выносила тюльку, по два-три ведра на спине, вот, когда была молодая, а щас. Мы ж ведро (молока) не носили, а молоко, в основном, такое, ряженку носили. (Еще меняли) на эту, ну на яички, хто как менял. Рыбаки ловили, им разрешали. (А потом тюльку...). Ну шо делали, (нерозбірливо) и соленую тюльку, и без хлеба, без ничего, и питались тюлькой той, вот такое было. И пить хочется.»* (Усна історія 2009: 89)

Виктор Лютиков: *«В 47-м году жили, я, мать, отчим и дети ещё были младше... (Мать с отчимом где, в колхозе работали). Конечно, а где ж им работать. Помогало (море), когда я пошёл на море работать. Рыбаком... Боже мой, если б люди не приходили, если б они не пользовались этой помощью, многих давно б позабыли уже. (Меняли) на что, ну ставили то самогончик, то... Не только на самогон, что могут люди дать и сами голодные, ну что они могут, на что они могут обменять эту рыбу. Просто так, рыбаки. Придут голодные, пухлые люди, голодные, рыбаки просто так, без никакого обмена, давали им рыбы и всё. Бычок, какая есть рыба, такую и давали.»* (Усна історія 2009: 308)

Валентина Соломонова: *«Если б не море... Тогда много было бычков, судаков... Очень много рыбы было, это нас и спасло! Продавали рыбаки! Вот там судно было, как оно придет, вот од нас там молочко или что-нибудь, а то было там, какой хороший, дасть один черпак: “Бегите домой!” – ой, какие радые были, родители тоже! То кинешь там, сразу уха, а потом жарили, да и все! Ну только море нас спасло, только море!»* (Усна історія 2009: 382)

Валентина Гогунская: *«Наши папы после войны пошли в рыббригады, чтобы нас спасать. Рыбы было – чудо! И они здесь, у них были землянки, потом через море лодками, на косе Обиточной тоже рыбалили. А наши мамы ходили пешком с мешками, дадут им там сколько чуть-чуть рыбы и они шли в Лозоватку, в Инзовку, в Мариновку пешком, Вячеславку. На плечах тащили эту рыбу, меняли на кукурузу или на хоть какое-то зерно, какое-то... чтоб нас спасать. Очень страшное было время, очень страшное и трудное. Одеть нас не во что было.»* (Усна історія 2009: 390)

Распространённым явлением, помогавшим выжить во время голода, был обмен личных вещей и предметов обихода на продукты. Валентина Пачева, уроженка с. Гирсовки, сообщает: *«Мама моя рассказывала, что у кого были какие... Ну, там, одежда какая-то, или отрез какой-то, или там еще чего-то, что-то из имущества. Там кто-то что-то такое имел. Вот, ехали в другие села, и меняли там на зерно, на что дадут. Так вот и выживали люди. А у кого не было – умирали»* (Пачева В.)

Бывали случаи, когда для спасения семьи приходилось даже отдавать дом. Иван Пачев, уроженец с.Ботиево, вспоминает случай обмена большого дома на маленький с доплатой в два мешка муки: *«Я помню, что моя тетка, у них... Они не далеко от нас жили, у них большой дом был. Муж тоже погиб. А это... Двое детей было. А кушать нечего. Так они... Им предложили, ну, люди предложили... А у них мука была. Они предложили поменяться: дом на такой, небольшой домик, и в придачу дали им где-то два мешка муки. И ото они потихонечку ж добавляли... Ну, там это, крапиву собирали, лебеду, ото с мукой немножко размешают, лепешечки. Ну вот, так выживали.»* (Пачев И.)

Самым радикальным способом спасения в 1946-1947 годах было временное переселение в другие республики СССР, не подверженные голоду. Многие таврические болгары (как и другие жители юга Украины) нашли приют в Грузинской ССР (в том числе в Абхазии и Аджарии). Кавказ на фоне разоренной после второй мировой войны Украины выглядел сытым раем.

У каждого из болгарских беженцев был свой путь на Кавказ. Уезжали, как правило, те семьи, которые дома не имели шансов выжить зимой 1946-1947 годов. Преимущественно, это были вдовы с малолетними детьми. Насколько массовым было переселение на Кавказ в голодный 1946 год, определить сложно: официальная статистика отсутствует. Но по рассказам респондентов, таких случаев было очень много: *«А с нашего села очень много людей было в Грузии. Но мои родители не могли, потому что папа работал на постоянной работе, он работал хлопководом около 20-ти лет. Он до*

войны и после войны работал хлопководом. А у мамы нас было трое маленьких, один друг за дружкой. И поэтому... В моей семье только одна тетья Тина была в Грузии» – М. Косяченко, уроженка с. Степановка Вторая; «Много болгар было, много, с наших. И с Ботиево были там, и с ближайших сёл, даже с Преслава были, Фуклевы. Были Фуклевы, я помню хорошо» – Г. Пачев, уроженец с. Строгоновка; «Очень много было народу в Грузии. Не в Грузии, мы в Абхазии были, много народу» – В. Пачева, уроженка с. Гирсовка; «Вообще у нас родственников много было в Грузии. И сестра моя двоюродная, Люба. Да многие, тетья Вера, дядя Савелий... Все там были» – И. Пачев, уроженец с. Ботиево; «А там на Тбилиси, Кутаиси, а там и на завод, да, нашел я там этого Андрей Петровича, да, Милева. От он там был, наших там много преславских» – А. Дорохин, житель с. Преслав (Усна історія 2009: 172)

Типичных способов переселения таврических болгар на Кавказ в 1946 г. было три: организованный набор работников (через вербовщика), выезд по приглашению родственников или знакомых и, наконец, свободное переселение – на свой страх и риск. Лучше всего было тем, кто ехал по организованному набору: они сразу имели работу, а работа давала не только средства к существованию, но и жилье. Те, кто поехал к родственникам или знакомым, на начальном этапе также имели хоть какой-то приют. Но им приходилось искать работу. Положение тех, кто ехал на свой страх и риск, было особенно трудным: первое время приходилось ночевать не только на вокзалах, но и под открытым небом.

М. Косяченко рассказывает о случае с организованным набором работников на чайную фабрику: «В этот год 46-й из Германии вернулась моя тетья, папина сестра. Она здесь побыла несколько месяцев, ну, наверное около года, и она... Ну, в общем, приезжал, ну как он назывался, вербовщик, или как он там назывался, и она уехала в Грузию.» (Косяченко М.)

Семья Г. Пачева попала на Кавказ по рекомендации односельчанина: «Вот он (отец) умер, а нас осталось четверо – три девчонки и я. Три сестры было. Приезжает за своей семьей из Грузии (односельчанин) и говорит маме: «Федоровна, давай, я уезжаю, оставляй дом...» (А мы с теткой на двоих сидели в одном доме). «Продай, оставляй всё и поедешь с нами. Там открылся завод военный и рабочие нужны, тем более, у тебя уже старшая может работать. – Это он Вам, получается, кто? Родственник? – Нет, просто односельчанин. Пришел за семьей. И говорит: «Умрешь, голод». 47-й год наступал, 47-й. Это 46-й уже, лето, наступал уже... «Вот будет голод, помрешь сама и детей... Поехали с нами». И мы туда поехали.» (Пачев Г.)

Семья И. Пачева поехала к родственникам: «В 46-м году... Мы остались у матери, сестра и я. Отец погиб на фронте. Начался голод. Мы бросили дом. Поехали. До Ростова доехали, а там столько народу! Билет никак не возьмешь. Та мы... А там ходил какой-то железнодорожник. Ну и это, говорит: «Ну, за вознаграждение, в общем, я вам достану билет». И там многие собрались, и мы в том числе, отдали ему деньги, и всё, и больше мы

*его не видели (смеется). Сколько-то суток там простояли, кое-как добрались до Батуми. Ну, сперва мы добрались... Чаква, такая станция перед Батуми. Там жила бабушка Мария. Ну, она, короче, двоюродная тетя моей матери. Пока у них находились, они ж тоже в таком же положении, как и мы, были.» (Пачев И.)*

Для того, чтобы уехать на Кавказ, необходимо было получить паспорт, поскольку крестьяне-колхозники в СССР до 1976 года не имели паспортов, что затрудняло их свободное передвижение по стране. Анатолий Дорохин из с.Преслав рассказал о тех трудностях, с которыми ему и его сестре Антонине пришлось столкнуться при получении паспорта: *«А село же не паспортизированное, а как же уехать?! Председатель мне дал, сельсовет мне дал справку, повез, значить, в район, он взял этот, значит, открыл ящик бросил и нет, нет и все. Один из милиции, материн знакомый, да, там был, где-то в селе встречается, значит, как дела, та от плачет, значит, надо поехать, а паспорта не выдают, говорить ладно, пусть завтра приходит туда в районную милицию. Я сказал, что у меня семья большая, отец раненый на фронте, голодуха, а восемь детей, да, и он все подписал, я получил справку. Но у меня есть сестра Тоня, не Анатолий, Тоня, Антонина, я значит те справки что дали в сельсовете, мне вернули, я сижу, а тогда же это света не было, это, значит, масло постное, делали на блюде, и фитилик делали, отак жили, щас прекрасная жизнь, кругом музыка, свет, машины, а тогда какая-то кошмар, это ж дикость! От сижу вечером, и нашел иголку такую, пошел, и надо ж было поменять буквы, что б же не Анатолий, а Антонина, ну значить сделал, сделал. Ну, значит, потом по этой справке она получила паспорт, и мы уехали с ней.*

*Куда ехать, не знаю. Есть очень много с Преслава, Гурьев, тогда от этот, забирали много, забирали, и щас там послали в Кутаис, на этот завод<sup>1</sup>, “Колхиды” делать, Кутаис. Вот преславский был Милю там, Андрей, мать, значит, взяла адрес его, и написала. Пока мы ехали, рассказать. Мы, значит, у Ростове, в Ростове сидели 15 дней, не могли уехать. Море людей, тысячи, это Ростов, это туда переехать туда Кавказ, один, 92-й был поезд был Москва, с Холтубы, Москва, знаете с Холтубы, он раз там проходил, как только утро регистрирует, кто когда приехал, после этого уже ничего нет. И от сидим, от там в училище вместе мы тогда до войны поступал, смотрю один (неразборчиво) подруга ее была, Машка Рогова, тут на углу жила, и Тоня, сидим на перроне. Я пошел, а тогда такие конфетки, подушечки были, такие подушечки с начинкой, пошел, значит, три купил, кипятка там набрал, был там у них на станции, и сидим.*

*Смотрю рыжий, рыжий, такой боевой, такие, тогда не было погонов, а какие-то тут бабочки, в общем офицер, он старший был, тогда был, он сам был из Борисовки, Григоренко. Я, значит, крикнул: “Ваня”, – а он, значит, там в Минводах уже служил. Ехал в Минводы, а значит, объявили на Минводы поезд, посадка. Я таки так, пятнадцать дней тут сижу, он,*

---

<sup>1</sup> Кутаисский автомобильный завод

*значит, схватил те билеты и побежал в кассе закомпостировал. Я радый, ну довольный, а он закомпостировал, не знал, через Баку, в Баку мы ехали. Тут такой дощ сильный льёт уже, это было осенью. Подъезжают, те от вагоны, товарняк, и там цыгане играют на гитаре, ну там засели, мокрые все. Ну и поехали в Баку, там тоже невозможно было взять билеты, там вообще такие хитромудрые, мы стали последние, значит, как начали первыми. И мы получили билет на Тибилиси, поехали теперь в Грузию, поехали на Тибилиси». (Усна історія 2009: 171)*

Для таврических болгар жизнь на Кавказе, особенно в первый год, не стала безбедной: они были чужаками, беженцами, «голодранцами». Им приходилось соглашаться на любое жильё, любую работу, лишь бы получить шанс выжить и спасти детей от голодной смерти.

О мытарствах на Кубани и на Кавказе вспоминает В. Пачева, которую шестилетней девочкой увёз из голодного болгарского села Гирсовки родной дадька (вуйчо) (матери-вдове было трудно прокормить пятерых детей): «У нас в семье было пятеро детей, отца забрали на фронт, а мама осталась с нами одна. (...) Мамины братья, два брата были на фронте. Приехал её младший брат, Федор, он приехал с женой. Ну, побыли они немножко и забрали меня. (...) они, наверно, с мамой договорились, чтоб забрать меня. И меня забрали, всё-таки маме было легче немножко, потому что оставалось четверо. И мы уехали... Сразу мы поехали и попали мы сразу в эту... На Кубань. (...) Там, на Кубани, мы даже жили немножко. Какая-то станция была, названия не помню, потому что я всё-таки мала была. Станция была какая-то. И это... Ну, там сколько-то мы прожили на Кубани. Там тоже бедновато уже люди жили, уже хлеба особо не было. Ну, тетя Зоя работала, и дядя Федя, работали. Они как-то жили на частной квартире, своего жилья не было. Потом они решили поехать дальше. И поехали мы на Кавказ, попали мы в Абхазию. (...) Когда приехали, ни жилья, ничего. А народу было много! А где остановиться? Негде было останавливаться. Люди жили, в основном, возле моря, на берегу моря. Ловили... Я помню, ловили хамсу, и кто жарил, кто что делал, мы так даже пирог пекли рыбный. А потом всё-таки они нашли частную квартиру.» (Пачева В.)

Быт болгар-беженцев в Грузии был предельно простой, но с этим приходилось мириться. В. Пачева вспоминает: «Даже ни кроватей не было, на полу спали, потому что ничего ж не было, там кое-какая постелька, и всё, на полу спали». Непривычным было отсутствие нормального отопления жилищ: «А потом там была у них... Печки нет, нету ни печки... Не отапливается всё, а буржуйка, железная такая буржуйка. (...) Ни дров, ничего не было. Где-то достанут какой-нибудь кусочек этого, дров (...) и в эту печку, немножко протопят.» (Пачева В.). Подобные воспоминания содержатся и в интервью И. Пачева, семья которого поселилась в Батуми: «Холодно было, я до сих пор этот холод чувствую, как замерзну. Ну вот как мы там мёрзли. Там же ж отопления не было. Ну, в это время еще так-сяк. А зимой, в декабре, в январе, в феврале, уже прохладно, а... Кто буржуйку имеет, кто не имеет. Ну вот так вот перебивались.» (Пачев И.)

О жизни в бараке вспоминает Г. Пачев: «Сперва мы жили возле завода, а потом построили город Кобулету. Вот там построили это... хрущевки или сталинки построили, и все наши рабочие переехали в то время там, в Кобулету... Нет, это было, еще мы жили в бараках. И сделанные... Ну, как домик, типа барачного. Вот так проход и однокомнатные квартиры. Ну, штукатуренное. Сперва мы жили год или два, просто всё деревянное, шпалерами изнутри обклеенное, и всё. А потом сделали такое, что... Ну, из камня, брикет. Завод сам... Заводчане делали такой вот, ну, мешали там уголь, это всё, брикеты делали, и с них сделали. Штукатуренное уже, всё. Но было такого типа, как барачного. Общий коридор, и потом квартиры расходились туда-сюда... (...)

**- А кухня была, или там?...**

Нет, всё в одной комнате. Мы себе... Была розетка. Там же, в комнате. Одна комната, всё, больше ничего. Мы там себе это, как его... Тогда были электроплитки. А летом, когда тепло было, оно ж раньше продавали керогаз этот, на керосине работал. Керосин, фитиль такой широкий. А зимой всё делалось на электроплитке. А вот уже когда... Мы бы получили бы, уже перед отъездом уже заканчивали для нашего завода и всех нас, заводчан, семь километров от завода это, всех туда, в Кобулету... (...) Там уже квартиры, хрущёвки, (...) Уже кухня отдельно, всё. (...)» (Пачев Г.)

Для переселенцев самое главное было найти работу. Вместе с работой обычно налаживался и быт. «Кое-кто где-то устроился кое-где. В основном, старались устроиться на кирпичный завод, там хоть что-то платили. А хлеб давали по карточкам. Помню, что еще я ходила, стояла в очереди за хлебом, по карточкам хлеб давали. Там режут (неразб.) кусочек, я, пока дойду, пощипаю (смеется).» (Пачева В.)

«Мама сразу на завод устроилась, и сестра старшая. Военный завод. Военный завод (неразб.) это он выпускал масло такое, называлось тунговое масло. Это масло шло в военную промышленность, для самолетов и танков и покраски военной техники. Неплохо. Давали паек, даже давали сгущенное молоко в банках или повидло. Мыло давали, два куса, один на месяц хватало, а другой меняли на что угодно. Вот так вот мы жили. И еще давали по карточкам (это 47-й год был) хлеб давали. А кроме этого зарплата шла.» (Пачев Г.)

«Ну, потом мать поехала в Батуми и там смогла устроиться на чайную фабрику. Там лаборатория чайная, и она туда устроилась. Дали в общежитии комнатку... Ну, мать работала на чайной фабрике, мы с сестрой получали какую-то пенсию за отца. Ну, вот это конечно тяжело было, карточки там, конечно. И это... И ото ждешь, отовариться надо, кушать хочется. Сестра говорит, это... «Кушать хочу». А я говорю: «Подожди, Айша еще не спекла хлеб». Айша раздавала, ну, отоваривала карточки. А мне казалось, что она его печет (смеется)...

Матери разрешали... Ну, не только матери, многим там, заварку проносить. (...) Ну, чай, вот, плитками, не разрешали проносить, а так, заварить, разрешали. И ото в чайнике ж... Ну, в чайнике, или что-то

такое... Ну, а в лаборатории они там испытывали, сорта всякие там проверяли, то с конфетами, то с сахаром. И вот она накидает немножко туда то сахара, то конфет, и размешает, разболтает, оно растворится. Ну, и проходит через проходную: «Можно заварочки пронести?» Говорит: «Ну, заварку можно». (Пачев И.)

А. Дорохин вспоминает о своей работе в Батуми: «И мы поехали в Батуми, на Цитрускомбинат, там побыли, я там наелся мандарин, в первый день я съел 32 килограмма мандарин, скажите дурак, не поверите, за сутки, мы грузили сутки, 24 часа, ну от в одном ящике 10 килограмм. Ну таких как мандарины здесь вы их не покушаете, и я их не покушаю, там, значит так, пятерка, десятка, пятнадцать, двадцать пять, тридцатка, и все тридцатка, и сороковка. Значит, там же высыпают машинами, и от там конвеер, ищешь свои очки, и от это мы там грузим Сталину или кому-то в Москву... Ну а потом я пошел у порт на погрузку, грузчиком работал, хлопок, 215 килограмм тюк, сахар – 96 килограмм, сейчас сахар 50 килограмм, а тогда был 96, особенно этот... А во мне 60 или 70 килограмм, это кошмар, и так целый день.» (Усна історія 2009: 172-173)

О детских подработках на чайной плантации вспоминает Г. Пачев: «А мы все дети ходили собирать чай еще. С десяти лет ходили чай собирать. Два года я ходил чай собирать во время каникул. (...) До двух часов, строго-настроого. Одна минута третьего – уже нас выгоняли с плантации. Строго-настроого, до двух часов дня, всё. Мы и баловались, туда-сюда, и собирали 15 килограмм. Насобираешь 15 килограмм... Нам еще рубль детских. Стоил чай, килограмм чаю наберешь, стоил рубль. 15 килограмм набрали – значит 15 рублей. А нам, детям, 30 рублей давали. Представляешь какое... А взрослый набрал 20, 30, 50 килограмм, значит рубль – кило, 50 рублей заработал, на чайных плантациях кто работал. А мы, дети... Так мы в школу шли, за три месяца собирали чай, каникулы три месяца, мы так зарабатывали, что мы себе полностью костюмы... (...) Мы школьные принадлежности, что надо, полностью скуплялись, еще оставалось на какие-то родителям помочь. Вот так.

**- А как она, эта работа на чайной плантации... Что Вы делали, рвали листья?**

Листья. Два листка и почка. Строго-настроого. Два листка и почка чтоб было. Агроном проверял. Не дай Бог больше. Он тогда бракует и заставляет снова перебирать. Два листка и почка. Нам только страшно детям было чего, гадюк много было. (...) она залазит на куст, согреться, или солнышко любит. А кусты темно-зеленые. А гадюки они такие, черный цвет, их не видно. А ты собираешь, смотришь, где верхушка (неразб.) и бывает так, что кусала за руку. (...) Но хорошо, что там медсестра всегда была или фельдшер, кто-то, медработник, и делали сразу укол.» (Пачев Г.)

Определенный интерес представляют содержащиеся в интервью воспоминаниях о взаимоотношениях приезжих-болгар с местным населением. Респонденты единодушно отрицают наличие вражды на национальной почве: «Ну, как тебе сказать, вражда была? Нет, я не знаю,

*не было такой вражды.» (Пачева В.); «Дискриминации никакой не было. Никакой. Особенно нас, болгар, они очень уважали.» (Пачев Г.)*

*«Вот пойдешь до грузин, что-нибудь поможешь, а они тебя накормят и домой дадут фрукты, сколько сможешь донести. Но не дай Бог ты сам полезешь. Вот на улице, растет дерево во дворе, забор у него. Вот забор, это его двор, и дерево, ну как оно у нас бывает, туда идет аж на тротуар. И не дай Бог полезешь ломать, если полезешь собирать, он может тебя побить. Или напугать, или побить. Потому что он сказал: «Меня дерево кормит, не смей. Попроси – я дам». Так мы уже жили, знаем обычай. Попросишь – он даст. Если есть работа какая-то, поможешь – он тебе вообще... И скажет: «Еще приходи». Вот, такие дела.» (Пачев Г.)*

*«Матеря на работе, а кушать хочется. Ото мы смотрим, сад какой-то грузинский. А это, уже знали, нас предупредили, что это... Вот висит, допустим, апельсин, мандарин, сорвать нельзя, потому что могут убить. Грузин выскочит, дитё – не дитё, он может убить. А вот пойдешь, попросишь – он тебе нарвёт. Ну, смотря какой попадет, но в основном... Старались. Нарвёт, даст. Уже живём! (смеется)» (Пачев И.)*

Закончить свидетельства респондентов можно воспоминаниями М. Косяченко (Попазовой) о её тёте Тине: *«Но она не одиножды повторяла, что «Если не Грузия, я здесь бы не выжила. Я бы здесь не выжила». А там они работали на чайных плантациях. Была очень тяжелая работа. Но она была плодотворной и спасла их.» (Косяченко)* Кавказ принял и спас всех, кто к нему обратился за помощью в голодный 1946 год.

Таким образом, временное переселение таврических болгар на Кавказ (преимущественно в Грузинскую ССР) в условиях голода 1946-1947 годов было достаточно распространенным явлением. Уезжали, как правило, по организованному набору, по приглашению родственников или знакомых и по собственной инициативе. Несмотря на тяжелые бытовые условия, жизнь на Кавказе стала для многих семей таврических болгар единственным способом спасения от голодной смерти.

### **Список источников и литературы**

**Большакова.** Интервью с Большаковой (Маслинка) Марией Константиновной, 1939 г.р., родилась в г. Токмак, с 1949 проживала в г. Мелитополь.

**Козарь.** Интервью с Козарь Людмилой Владимировной, 1963 г.р., передает воспоминания матери и тети, которые в 1946-47 гг. проживали в с. Ботиево, Приазовский р-н, Запорожская область. (Козарь)

**Косяченко.** Интервью с Косяченко (Попазовой) Марией Дмитриевной, 1942 г.р., родилась в с. Степановка Вторая, Приазовский р-н, Запорожская область.

**Пачева, В.** Интервью с Пачевой (Греджевой) Валентиной Федоровной, 1940 г.р., родилась в с. Гирсовка, Приазовский р-н, Запорожская область.

**Пачев, Г.** Интервью с Пачевым Гавриилом Ивановичем, 1940 г. р., родился в с. Строгановка, Приазовский р-н, Запорожская область.

**Пачев, И.** Интервью с Пачевым Иваном Ивановичем, 1944 г. р., родился в с. Ботицево, Приазовский р-н, Запорожская область.

**Усна історія. 2009.** Усна історія Степової України. — Запоріжжя: АА Тандем, 2009. — Т.6. — 464с.

**Попов, В. 1998.** Попов В.П. Государственный резерв хлеба в СССР и социальная политика / В. П. Попов // Социологические исследования. — 1998. — № 5. — С. 24–33

М. Пачева, С. Пачев

Статья посвящена исследованию способов выживания таврических болгар во время послевоенного голода 1946-47 гг. Статья основана на устных источниках – интервью болгар – жителей города Мелитополя (уроженцев болгарских сёл Приазовского района) и жителей села Преслав Приморского района Запорожской области. Рассматриваются изменение рациона питания в условиях дефицита привычных продуктов, пути поиска пополнения продовольственных запасов. Много внимания в статье уделено воспоминаниям респондентов о временной миграции как средстве спасения от голода. Описываются жизненные истории болгар-переселенцев в Грузинской ССР.

Ключевые слова: таврические болгары, голод 1946-47 гг., миграция

#### **MIGRATION AS A WAY TO SURVIVAL TAURIDA BULGARIANS DURING THE FAMINE 1946-47.**

The article is devoted to study the ways of survival Taurida Bulgarians during the postwar famine 1946-47. The article is based on oral sources - interviews Bulgarians - inhabitants of the city of Melitopol (natives of the Bulgarian villages of Pryazovie district) and residents of village Preslav of Primorsk district of Zaporozhye region. We consider the change in diet in a shortage of the foods, the way search replenish food stocks. Much attention is paid to the respondents' recollections of temporary migration as a means of salvation from famine. It describes the life history of the Bulgarians-settlers in the Georgian SSR.

Keywords: Taurida Bulgarians, 1946-47 famine, migration.

Сергей Иванович Пачев, Ph.D, доцент, ръководител на центъра по българистика в Мелитополския държавен педагогически университет «Богдан Хмелницки», гр.Мелитопол, Украйна. E-mail: cbmdpu@ukr.n

Мария Сергеевна Пачева, специализантка в ИЕФЕМ. E-mail: cbmdpu@ukr.net

S. Pachev, Ph.D, assistant professor Bulgarian Research Center in Melitopol State Pedagogical University named after Bohdan Khmelnytsky, Hetmanska str., 20, Melitopol, Zaporizhzhya region, Ukraine. E-mail: cbmdpu@ukr.net

M. Pacheva, spetsializant in IEFEM. E-mail: cbmdpu@ukr.net